

Новикова О.Н.¹**Афганистан:
от «демократического авторитаризма»
к авторитаризму per se**

Аннотация. В настоящее время в политических режимах различных стран мира усиливаются авторитарные тенденции. В Афганистане в результате действий международной коалиции возник особый гибридный режим – демократический авторитаризм. Создание такого режима не входило в планы членов коалиции, которые ставили своей целью строительство либерально-демократического государства. Однако этот проект провалился, и даже не в связи с военной победой движения «Талибан»*, а значительно раньше. Дело было не только в том, что США и их союзники по коалиции в значительной мере игнорировали историю и культуру страны, но и в том, что созданный иностранцами режим не воспринимался афганцами как легитимный, что и стало главным препятствием для демократизации страны. В статье рассматривается инструментальная легитимность, «покупающая» лояльность режиму путем удовлетворения потребностей населения, и традиционное, более содержательное, сущностное понимание легитимности, которое подкрепляется общими ценностями и верой в законность. Движению «Талибан»* удалось создать определенную сущностную легитимность, опираясь на принципы ислама и традиционные ценности, – например, обеспечивая разрешение конфликтов доступным, быстрым и справедливым способом в шариатских судах. Талибы смогли также в

¹Новикова Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, зав. Отделом Европы и Америки ИНИОН РАН (novikova@iniop.ru).

определенной степени наладить предоставление услуг населению, хотя и не на должном уровне в связи с бедственным экономическим положением страны. В то же время после прихода талибов к власти ухудшилось положение женщин и девочек, были введены меры, ограничивающие их самостоятельность. Не удалось гармонизировать межэтнические отношения, в кадровом составе ключевых министерств не был достигнут этнический и религиозный баланс. Нет сведений о работе над новой конституцией. Авторитарные черты режима усилились.

Ключевые слова: Афганистан, «Талибан»*, демократизация, демократический авторитаризм, легитимность, межэтнические отношения, шариатские суды.

На основании отчетов, ежегодно публикуемых институтом V-Dem (Varieties of Democracy) при Гётеборгском университете, можно утверждать, что в настоящее время уровень демократии в мире снизился до уровня 1989 г. Если в 2011 г. в автократических государствах проживало 49% мирового населения, то сейчас этот показатель достигает 70% (5,4 млрд человек). Автократизация наблюдается в 6 из 27 государств – членов Евросоюза [Democracy report ..., 2022, p. 6]. В число стран, для которых характерно усиление автократических тенденций, входят Соединенные Штаты Америки, Индия, Турция и Бразилия – члены G-20. Число либеральных демократий уменьшилось до 34 [Ibid., p. 12]. Автократизация приобретает новые черты: происходит поляризация общества, демократия утрачивает совещательный характер, правительства прибегают к дезинформации населения, гражданское общество слабеет по всему миру. Все успехи развития демократии образца либерального периода, следовавшего после окончания холодной войны, сведены на нет. В настоящее время в Индии и Бангладеш сложилась устойчивая однопартийная гегемония, в Пакистане и Шри-Ланке установились военно-гражданские режимы. Только за 2021 г. имели место четыре переворота (в Гвинее, Мали, Чаде, Мьянме) и захват власти талибами в Афганистане.

В условиях глобального демократического регресса особую значимость приобретают исследования, посвященные не мировым процессам демократизации, а процессам автократизации. При этом представляется, что авторитаризм и демократию не следует

рассматривать как взаимоисключающие категории. Еще двадцать лет назад появилось понятие демократического авторитаризма, или конкурентного авторитаризма, где смешиваются демократические и авторитарные черты, – одного из типов гибридных политических режимов, появившихся на мировой арене после окончания холодной войны. Из последних исследований на эту тему можно выделить статью К. Каротерса [Carothers, 2018], а также работу С. Левитски и Л. Вэя [Levitsky, Way, 2020]. Ранее господствовало убеждение в том, что такие режимы представляют собой «усеченные» формы демократии и продвижение их к полноценной демократии является лишь вопросом времени (иногда, правда, довольно значительного). С. Джонс в своей знаменитой книге «На кладбище империй: война США в Афганистане» утверждал, что для победы демократии в Афганистане просто понадобится больше времени и потребуются более углубленное вмешательство [Jones, 2010]. Но в целом демократический авторитаризм воспринимался как переходный режим на пути к полноценной либеральной демократии.

Обычно под демократическим авторитаризмом подразумевается такой тип демократии, при котором демократические государственные институты (законодательные, исполнительные, судебные) и даже гражданское общество (средства массовой информации, религиозные группы, протестные движения) используются для достижения целей, по сути являющихся авторитарными, т.е. для обеспечения господства без подотчетности. При демократическом авторитаризме во время выборов происходит успешная мобилизация большинства населения с целью достижения необходимого результата, нередко используется риторика народного суверенитета, а «законность» обеспечивается путем принятия конституционных поправок и вынесения судебных решений. При этом демократический авторитаризм, осуществляя жесткий политический контроль, в отдельных случаях даже трансформируя идентичность государства, задействует также идеологическую составляющую, предполагающую маргинализацию оппозиционных сил и навязывание определенной идеологии путем делегитимации конкурирующих идеологий.

Здесь мы вплотную подходим к определению легитимности, так как именно легитимность – ключевой элемент успеха противостоящих сторон в борьбе за власть. Об этом прямо говорится в проекте одного из полевых уставов армии США: «В конечном итоге долгосрочной целью для обеих сторон остается признание народом государства или региона легитимности притязаний одной из сторон на политическую власть» [Counterinsurgency ..., 2006, р. 4–1]. «Правительство, которое население считает нелегитимным (курсив мой. – О.Н.), – основное препятствие на пути демократизации, независимо от того, насколько законным было его избрание», – говорится в обзоре, подготовленном специалистами американского исследовательского центра RAND [The beginner's ..., 2007, р. 194].

В свое время проблему легитимности обсуждали философы, в частности Жан-Жак Руссо, Дж. Локк и Т. Гоббс, затем это понятие разрабатывали М. Вебер и Д. Битхэм. Очевидно, что добровольное повиновение социальному контролю основано на легитимности контроля, а недобровольное – на принуждении. Субъектом, проецирующим власть, необязательно является государство или правительство, это может быть любая власть, скажем, повстанческая или террористическая организация, например движение «Талибан»* (ДТ*). С течением времени выяснилось, что универсального понятия легитимности, на котором настаивали приверженцы нормативного подхода, не существует. Представление о законности и обоснованности определенных властных отношений у разных сообществ разное.

Западная коалиция: взгляд на демократизацию Афганистана

Соединенные Штаты и их союзники в Афганистане следовали либерально-демократической традиции (во многом основанной на веберовском рационально-правовом подходе [Weber, 1978]), согласно которой легитимность правления зиждется на верховенстве закона, т.е. на конституции, разработанной в ходе демократического процесса. Поэтому усилия США и их партнеров по коалиции были направлены на то, чтобы в Кабуле функционировало правительство, которое обеспечивало бы соблюдение законов на основе новой Конституции 2004 г. Таким образом, с точки зрения

союзников, легитимность центрального правительства должна была опираться на позитивное право¹.

Еще летом 2003 г. Соединенные Штаты разработали и приняли программу действий в Афганистане под названием «Ускорение успеха», основанную на либерально-демократических идеях государственного строительства. В политическом плане целью данного курса была легитимация новой прозападной правящей элиты Афганистана. Но для этого нужно было продемонстрировать, что существуют ограничения ее деятельности, что предполагалось сделать посредством скорейшего проведения президентских и парламентских выборов и обеспечения баланса в назначениях на ключевые посты в правительстве с точки зрения религиозной и этнической принадлежности претендентов.

Второй целью союзников в Афганистане, помимо легитимации нового режима, было установление в государстве прочного мира. Следуя либеральной идее о демократическом мире, в соответствии с которой предполагалось, что демократические государства не воюют друг с другом, они рассчитывали, что залогом долгосрочного мира может стать демократизация общества и президентские и парламентские выборы как важнейшая часть этого процесса, т.е. что мир может быть «сконструирован» путем внедрения демократических институтов и процессов. Специфика задачи состояла в том, что надо было не только демократизировать авторитарное общество, но и вывести его из насильственного конфликта. Собственно говоря, эти проблемы были взаимосвязаны. Демократизация представлялась средством перехода от насилия к мирному развитию. Путь к миру и демократии был известен: сначала проводятся переговоры, затем происходит мирное урегулирование, формируется переходный орган власти, и лишь после этого должны состояться выборы. Прямые переговоры между движением «Талибан»* и официальным Кабулом так и не состоялись².

¹ Позитивное право (в отличие от естественного права) – действующие нормативные правовые акты, право, установленное государством, волей законодателя.

² Они начались только в 2015 г. в Пакистане, но вскоре были прерваны [Замараева, 2020, с. 29].

В 2001 г. в Бонне было принято решение о создании временной администрации, в июне 2002 г. Чрезвычайная Лоя Джирга выбрала Хамида Карзая временным президентом Афганистана, затем состоялись президентские (2004) и парламентские выборы (2005), была принята Конституция (2004). Формально путь был пройден.

На выборах 2004 г. Хамид Карзай воспользовался преимуществами действующего президента и поддержкой западных стран, что позволило ему одержать победу. Однако созданная избирательная система была подорвана введением принципа единого непередаваемого голоса, а также взятками и подтасовками на выборах, которые стали особенно очевидны во время переизбрания Хамида Карзая на пост президента в 2009 г., а также в ходе последующих президентских выборов в 2014 и 2019 гг. Показательные цифры, свидетельствующие о разочаровании населения в сформированной западными странами демократической системе и о деградации легитимности власти: явка на выборах в 2004 г. составила 83,66%, а на выборах 2019 г. – 19,00% [Afghanistan ..., 2019].

Созданная политическая система способствовала концентрации власти в одних руках, что не соответствовало классическому демократическому требованию о разделении властей, зато вписывалось в рамки демократического авторитаризма. Статья 64 новой Конституции Афганистана предусматривала, что президент назначает не только всех министров, но и главного прокурора, главу центрального банка, судей, глав национальной безопасности, вооруженных сил, полиции и других чиновников высшего звена [The Constitution ..., 2004]. В парламенте не было мест, зарезервированных для представителей политических партий, партии не имели права создавать парламентские фракции [Ruttig, 2018].

Формируя и оказывая всестороннюю поддержку центральному афганскому правительству, члены международной коалиции исходили из утилитарного понятия легитимности¹. В соответствии с этим подходом правительство является легитимным, если оно

¹ Утилитарной, или инструментальной, легитимностью в политической литературе называют ситуацию, когда люди добровольно подчиняются власти, потому что им это выгодно.

может удовлетворить материальные нужды населения и обеспечить предоставление всех необходимых услуг. Представители Запада – создатели политической системы Афганистана исходили из упрощенного понимания психологии афганцев: с их точки зрения, мотивации афганцев (как и всех людей вообще) имели в основном материальный характер, а либерально-демократические ценности, включая демократию, представлялись полезными и выгодными для всех народов. Поэтому предоставление услуг было одним из основных требований, которые международная коалиция выдвигала правительству Кабула для подтверждения его легитимности. В перечень услуг входило также обеспечение безопасности и стабильности в стране. Иллюстрацией подобного утилитарного подхода к обеспечению легитимности может служить опубликованное исследовательским центром RAND «Руководство по государственному строительству для начинающих», в котором, в частности, определялся объем ресурсов, необходимых для поддержания стабильности в государствах, ставших объектами внешнего вмешательства. Например, утверждалось, что на каждые 100 000 населения должно быть в среднем 220 солдат, 225 полицейских, 42 сотрудника исправительных учреждений и 6 прокуроров [The beginner's ..., 2007, p. 37, 66, 102]. Таким образом, устанавливалась примитивная количественная взаимосвязь: чем больше солдат и сотрудников правоохранительных органов, тем больше безопасности и стабильности. Ситуация, сложившаяся в Афганистане, продемонстрировала ошибочность такого подхода. Численность войск Международных сил содействия безопасности (МССБ) постоянно росла (достигла 132,5 тыс. человек в 2011 г.) [История присутствия ..., 2021], военная помощь афганскому режиму только со стороны Соединенных Штатов с 2001 по 2020 г. составила 73 млрд долл.¹ [Tian, 2021], но это не помогло удержать ситуацию под контролем.

Союзники по международной коалиции полагали, что центральное правительство при поддержке западных стран станет

¹ *Попутно стоит отметить, что до 40% предоставленной Афганистану многомиллиардной помощи возвращалось странам-донорам в виде прибылей и платы за консультативные услуги [Белокреницкий, Сикоев, 2013, с. 18].*

достаточно сильным и эффективным, чтобы обеспечить населению весь спектр необходимых услуг, включая безопасность. Но поскольку центральная власть в Афганистане традиционно считалась слабой, то даже при поддержке со стороны стран – участниц коалиции она оказалась не в состоянии предоставить населению услуги надлежащего качества даже на территориях, контролируемых международными силами. В конце концов было принято решение о создании групп по восстановлению провинций (provincial reconstruction teams, PRT), призванных проецировать власть центрального правительства на сельские регионы страны, сочетая при этом военные и гражданские методы. При этом не следует забывать, что элементами демократии в период внешнего вооруженного присутствия в Афганистане могло воспользоваться только городское население. Несмотря на то что наряду с разведывательной деятельностью и проведением отдельных военных операций против талибов PRT занимались строительством школ, больниц и объектов инфраструктуры, местное население воспринимало группы по восстановлению провинций как параллельные органы управления интервенционистских сил.

Принятые меры по повышению уровня легитимности центрального правительства и укреплению доверия к нему не помогли, так как в Вашингтоне не учли одну из важнейших составляющих концепции М. Вебера: легитимность и авторитет власти основаны только на субъективном восприятии населения, а не на квазиобъективных факторах, таких, например, как либеральная демократия или верховенство закона [Egnell, 2013, p. 11]. Кроме того, обретение легитимности в Афганистане всегда осуществлялось не в процессе противостояния абстрактных принципов и теорий государственного устройства, а в результате длительной и жестокой борьбы, неразрывно связанной с глубинными историческими властными отношениями, подкрепленными доступом к средствам насилия. Поэтому представление западных стран о том, что продвижение демократии и достижение легитимности в демократизирующихся странах будут протекать путем «безболезненного заимствования» организационных форм западных демократий и что государствам, в которых извне внедряются готовые

модели западной демократии, удастся избежать периода насильственных действий, оказалось иллюзией.

Талибы и легитимность

Представления афганцев о легитимном правлении оказались ближе к концепции талибов, а не западных стран, которые не учитывали исторически сложившееся мировосприятие местного населения. Талибы сделали ставку не столько на материальные (предоставление услуг и обеспечение безопасности), сколько на нематериальные источники легитимности. Здесь важно, однако, заметить, что легитимность чаще и легче достигается не тогда, когда меняется доминирующая идеология, а тогда, когда режим прибегает к исторически доминирующей идеологии, поскольку в этом случае легче получить общественную поддержку. В случае Афганистана такую роль играет ислам, хотя способ управления талибов включал и многие элементы культурного кодекса пуштунов – пуштунвали.

Организация шариатских судов стала для «Талибана» активом, который он использовал для подтверждения своей легитимности. Ориентированная на Запад государственная правовая система не нашла понимания у афганцев в буквальном смысле: по большей части, они ее просто не поняли в отсутствие надлежащего уровня образования. Западные юристы, эксперты и военные¹ добивались принятия законов, противоречащих традиционным афганским обычаям и нормам. Талибы инвестировали в шариатскую систему разрешения споров и конфликтов, особенно о земле и других ресурсах, с чем не смогла справиться коррумпированная и неэффективная государственная судебная система. Местное население считало талибских судей в целом честными [Waszko, 2013]. С помощью шариатских судов талибы обеспечивали социальный порядок. Кроме того, «Талибан»* использовал свою судебную сис-

¹ Западные войска (в первую очередь – американские) систематически обходили афганское законодательство. Проводя операции против «Аль-Каиды»* и «Талибана»* (включая кампанию целенаправленных убийств), усиливавшие соперничество между местными жителями, они не подчинялись никаким афганским правовым нормам [Waszko, 2021].

тему как инструмент господства, соперничая с правительством в этой сфере [Giustozzi, Baczko, 2014, p. 215]. Особенно важно, что талибы еще до прихода к власти смогли обеспечить исполнение своих вердиктов, поскольку обладали необходимыми для этого территориальным влиянием и силой принуждения [Jackson, Weigand, 2020, p. 7].

Когда талибы вернулись к власти в 2021 г., Верховный лидер движения «Талибан»*, амир-аль-моминин (повелитель правоверных) Хайбатулла Ахундзада заменил специалистов в области официального государственного законодательства на шейхов, муфтиев и мулави, т.е. людей, имеющих квалификацию, позволяющую ориентироваться в вопросах исламского права [Rahimi, 2022, p. 7]. Эффективному утверждению объективности в правовой сфере немало способствовала идеология деобанди, которая допускает участие священнослужителей в социальном регулировании, отрицая при этом политический характер их действий. В долгосрочной перспективе создание авторитетных судебных институтов может перестроить социальную среду и интересы населения в пользу «Талибана»* [Giustozzi, Baczko, 2014, p. 223].

Помимо прочего, движение «Талибан»* заявило, что будет способствовать сохранению традиционного афганского образа жизни и откажется от резких социальных реформ, которые пыталась проводить западная коалиция. Во время военных действий талибы не могли обеспечить безопасность афганцев, зато представили борцами с «иностранными интервентами» в глазах населения. Действительно, в течение двадцати лет мы наблюдали в Афганистане высоко милитаризованное и инвазивное международное присутствие. Суверенитет Афганистана стал фикцией, поскольку государство существовало в основном за счет внешних источников финансирования. В период международного присутствия бюджет страны на 75% финансировался за счет международных вливаний. Вспомним, что в конце советской военной операции в Афганистане бюджет страны зависел от внешней помощи лишь на 26% [Rubin, 2020]. Страны – участницы международной коалиции взяли на себя большую часть функций афганской государственности, включая организацию президентских и парламентских выборов,

предоставление основных услуг населению и управление насилием. Но официальный Кабул, выступая как клиент иностранных государств, потерял легитимность в глазах своего народа, даже если и мог предоставлять основные социальные услуги населению за счет международной помощи.

Талибы и демократия

Для установления и сохранения своего монопольного идеологического доминирования пришедшее к власти движение «Талибан»* берет под контроль органы формирования общественного мнения, СМИ и образовательные учреждения. Цель этой деятельности, по представлениям талибов, – укрепить традиционную идентичность афганского государства, «расшатанную» западными реформами. Талибы позиционируют себя как абсолютную власть, выражающую народные настроения и в силу этого получившую легитимность. Поскольку вооруженную борьбу с западной коалицией, увенчавшуюся победой, «Талибан»* считает исполнением воли социального большинства, то в определенной степени он может претендовать на то, чтобы по этому признаку считаться демократической силой. Одновременно «Талибан»* стремится дискредитировать и делегитимизировать деятельность законодательных институтов, избирательных комиссий, светских судебных органов, созданных в период иностранной оккупации. Следующий этап легитимации власти талибов – принятие новой Конституции, которая будет отражать их идеологическое видение и обосновывать их политическое правление. Но в настоящее время имеются существенные проблемы, связанные с эволюцией мировоззрения афганцев. Сможет ли пришедшее к власти движение «Талибан», придерживающееся жесткой идеологической концепции, успешно взаимодействовать с населением, которое в течение двадцати лет подвергалось интенсивному идеологическому воздействию в русле либеральных ценностей? Кроме того, сами талибы также ощущают давление западных стран, от которых они ждут размораживания финансовых активов, инвестиций и гуманитарной помощи.

До прихода к власти талибы обещали провести некоторые реформы демократического характера, а именно – ввести систему разделения полномочий и создать инклюзивное правительство. Но пока этого не произошло. Правда, «Талибан»* объявил, что ныне функционирующее правительство является временным.

В сфере образования была надежда на благоприятные перемены по сравнению с предыдущим периодом пребывания талибов у власти, однако средние женские школы до сих пор не открылись под предлогом того, что для девочек еще не разработана форма «в соответствии с обычаями и культурой» страны. Представляется, что истинной причиной задержки (или отмены) разрешения открыть школы для девочек является решение джирги, проходившей в Кандагаре с 22 по 24 марта 2022 г., в ходе которой Верховный лидер «Талибана»* Хибатулла Ахундзада высказался в пользу того, чтобы запретить девочкам доступ к образованию [Thirteenth report ..., 2022, p. 8]. Позиция лидера «Талибана»* положила конец дискуссиям на эту тему между сторонниками жесткой идеологической линии и приверженцами более прагматичной политики.

Спор об образовании девочек важнее, чем может показаться европейцу на первый взгляд. Гендерные проблемы в афганском обществе, связанные с пониманием роли и положения женщин в социуме, всегда расценивались как тест на «исламскую легитимность» [Новикова, 2015, с. 184]. Местное население чаще всего воспринимает изменения в этой области как покушение на традиционный образ жизни, а не как часть демократических перемен.

Нельзя не признать, что в период двадцатилетнего пребывания войск международной коалиции на территории Афганистана были предприняты значительные усилия по защите прав и свобод женщин в этой стране. Конституция 2004 г., спроектированная западными странами на основе собственных конституций, содержит положение о гендерном равенстве, в 2010 г. был принят Закон о запрещении насилия в отношении женщин, страна присоединилась к целому ряду международных соглашений, содержащих положения о правах женщин, в Афганистане работало даже Мини-

стерство по делам женщин¹. Но все эти преобразования производились под внешним давлением, а с правоприменением постоянно возникали серьезные проблемы. К сожалению, афганки, как правило, ничего не знали о своих законных правах, и в стране всегда доминировали нормы обычного права, которые регулировали поведение женщин и девочек в повседневной жизни. Эти нормы регламентируют права женщин и девочек в рамках семьи, узаконивают жестокие наказания за прелюбодеяние, ограничения свободы передвижения, обычай обмена девушками с целью урегулирования споров и возмещения ущерба [Цмай, 2021, с. 122]. Что же касается деятельности женщин в публичной сфере, то даже в условиях массированного военного присутствия западных стран такая активность была связана с большими трудностями. Женщины, пытавшиеся активно участвовать в общественной жизни, подвергались нападениям, в их адрес поступали угрозы, некоторых убивали. Сотрудничество женщин со структурами ООН и неправительственными организациями воспринималось как работа на «неверных» [Новикова, 2015, с. 195]. Поэтому 75 693 женщины-афганки, прошедшие пятилетний курс обучения в Агентстве США по международному развитию и получившие необходимые навыки, чтобы найти работу, занимать лидерские позиции в своих общинах, выступать за гендерное равенство и права женщин, безусловно, сейчас находятся в зоне особого риска (если, конечно, им не удалось эмигрировать) [Women ..., 2021, p. 20].

Скоропалительный вывод американских войск из Афганистана был проведен в нарушение американского Закона о женщинах, мире и безопасности от 2017 г. и Стратегии США в отношении женщин, мира и безопасности от 2019 г., поскольку, покидая Афганистан, американцы не смогли обеспечить безопасность и защиту достоинства афганских женщин, которые они были обязаны гарантировать в соответствии с этими документами [Deehring, 2021]. В докладе Специального генерального инспектора США по восстановлению Афганистана (Special Inspector General for Afgha-

¹ Сейчас Министерство по делам женщин преобразовано в Министерство молитвы и наставлений, поощрения добродетели и предотвращения порока.

nistan Reconstruction, SIGAR) указывалось, что «во многих стратегических документах США не уделялось должного внимания огромным культурным и социальным барьерам на пути продвижения прав женщин». Генеральный инспектор также отмечал, что многочисленные должностные лица и специалисты по гендерным вопросам сообщали ему, что «неспособность предвидеть афганский культурный контекст подорвала усилия США по поддержке женщин и девочек» [What we need ..., 2021, p. 79].

Еще одна важная проблема – права проживающих в стране этнических и религиозных меньшинств. В Афганистане 95% населения исповедуют ислам, но присутствуют и представители других религий – индуусы, сикхи, христиане и иудеи. Число индуусов и сикхов в стране постоянно сокращалось: в 1970-х годах их численность составляла приблизительно 700 тыс. человек, а в 2017 г. – менее 7000 [Kumar, 2017]. Последний представитель еврейской общины покинул Афганистан в сентябре 2021 г. Представители доминирующего этноса – пуштуны-сунниты – столетиями ущемляли права хазарейцев, исповедующих шиизм. Надо отметить, что в период иностранного международного присутствия была сделана попытка обеспечить участие этнических и религиозных меньшинств в государственном управлении. Западные страны пытались укрепить контакты между этноконфессиональными группами [Трунов, 2016, с. 441]. Шииты, представляющие 10% населения страны, заняли часть руководящих должностей в трех ветвях власти. Мохаммад Карим Халили, один из лидеров общины хазарейцев, стал вице-президентом страны. Индуусы и сикхи также занимали определенные позиции в законодательных органах.

Что же касается положения дел при нынешней администрации талибов, то можно согласиться с выводом, изложенным в докладе Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Афганистане¹ Р. Беннетта, о том, что «в нынешней администрации отсутствует религиозное и этническое разнообразие» [Situation of human ..., 2022, p. 11]. Упомянем, правда, что хаза-

¹ Специальный докладчик имеет статус независимого эксперта и представляет Совету по правам человека и Генеральной Ассамблее ООН доклады о ситуации в области прав человека в Афганистане.

рейцам предоставили несколько руководящих должностей, имеющих чисто символический характер. В то же время на руководящие должности в правительственных структурах в провинциях, где доминируют хазарейцы, «Талибан»* предпочел назначить пуштунов. Талибы, конечно, не забыли, что хазарейцы принимали активное участие в деятельности Северного альянса, который оказал большую помощь Соединенным Штатам в свержении режима талибов в 2001 г.

Здесь следует подчеркнуть, что этнонационализм – одна из характерных черт автократизирующихся режимов – присутствует в авторитарных и гибридных режимах достаточно часто, но не всегда. Однако в случае Афганистана мы наблюдаем очевидное доминирование одного из этносов – пуштунов, – и режиму талибов пока не удастся гармонизировать межэтнические отношения в стране.

Очевидно, что нынешнее правительство талибов сформировано по принципу лояльности новому режиму. Кроме того, многие посты раздавались в качестве вознаграждения за активное участие в борьбе «за освобождение страны от иностранных интервентов». Талибы стремятся усилить сплоченность руководства, опереться на проверенных и предсказуемых людей. Сейчас, в тяжелые времена, представители других политических течений, религиозных и этнических групп кажутся им ненадежными. И создавать инклюзивное правительство талибы не спешат, – во всяком случае, пока.

Вопрос о конституционном дизайне Афганистана тоже по-прежнему неясен. Наивно думать, что с окончанием военных действий в Афганистане настанут спокойные времена. Динамика военного периода будет сохраняться еще долгие годы, насилие мутирует, и общество по-прежнему останется уязвимым.

Американцы начали вторжение в Афганистан, стремясь прежде всего обезопасить Соединенные Штаты от возможных дальнейших нападений «Аль-Каиды»*. Их война с «Аль-Каидой»*,

террористической организацией глобальной направленности, превратилась в войну с движением «Талибан»*, националистической организацией, которую они сами называли повстанческой. Целью «Талибана»* являлось не создание всемирного халифата, а построение исламского эмирата на территории Афганистана. В 2003 г. в планы американской миссии была включена задача либерального миростроительства. В процессе конструирования демократического государства западные страны – участницы МССБ исходили из американско-европейского контекста, практически не задумываясь о том, насколько эти принципы применимы к данной мусульманской стране, еще находившейся в состоянии вооруженного конфликта. Основа подобного подхода – теория модернизации, рассматривающая историю как определенный ряд социально-экономических этапов вплоть до конечной и высшей стадии развития, которой считается победа либеральной демократии. Участники коалиции применили к ситуации в Афганистане универсальный либерально-демократический шаблон без учета политической и экономической истории и религиозно-культурного облика страны. Однако ту форму государства, которую им удалось создать на территории Афганистана в период своего военного присутствия, нельзя назвать либерально-демократической, поскольку она сочетала демократические правила с авторитарным управлением. Это был гибридный режим, который можно определить как авторитарную демократию со значительным компонентом внешнего управления, что стало причиной фактического отсутствия его легитимности. При этом афганский народ рассматривался как «получатель демократии», а не как ее движущая сила. Очевидно, что создатели такой конфигурации государственности полагали, что авторитарно-демократический режим будет переходной формой на пути к полноценной либеральной демократии. Но сейчас многие исследователи склоняются к тому, что такие гибридные режимы представляют собой самостоятельную форму государственности, и демократические институты в авторитарных странах лишь укрепляют авторитарные режимы [Brancati, 2014]. В последнее время идеология и политика демократизации, насаждающиеся извне, подвергаются критике. Это связано как с внутренним противодействием в тех государствах, где пытаются вне-

дрить демократию западного образца, статус которой «теряет позиции» в мире, так и с растущей конкуренцией со стороны авторитарных государств.

Литература/References

Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. (2013). Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана / ИВ РАН. – Москва. – 174 с. [Belokrenitsky V.Ya., Sikoev R.R. (2013). Authoritarianism and democracy in Afghanistan and Pakistan [*Avtoritarizm i demokratiya v usloviyakh Afganistana i Pakistana*] / IOS RAS. – Moscow. – 174 p.] (In Russian).

Замараева Н.А. (2020). Пакистан и вызовы переговорному процессу в Афганистане (2003–2020 гг.) // Азия и Африка сегодня. – Москва. – № 11. – С. 26–33 [Zamaraeva N.A. (2020). Pakistan and the challenges to the negotiating process in Afghanistan (2003–2020) [*Pakistan i vyzovy peregovornomu protsessu v Afganistane (2003–2020 gg.)*] // Asia and Africa today. – Moscow. – N 11. – P. 26–33] (In Russian).

История присутствия иностранных войск в Афганистане. (2021) // РИА Новости. – Москва. – 31.08. – URL: <https://ria.ru/20210831/afghanistan-1747822147.html> (дата обращения: 10.12.2022) [A history of the presence of foreign troops in Afghanistan [*Istoriya prisutstviya inostrannykh voisk v Afganistane*]. (2021) // RIA Novosti. – Moscow. – 31.08. – URL: <https://ria.ru/20210831/afghanistan-1747822147.html> (date of access: 10.12.2022)] (In Russian).

Новикова О.Н. (2015). ООН и права женщин в Афганистане // Актуальные проблемы Европы / ИНИОН РАН. – Москва. – № 3. – С. 183–207. [Novikova O.N. (2015). The UN and women's rights in Afghanistan [*ON i prava zhenshchin v Afganistane*] // Current problems of Europe / INION RAS. – Moscow. – N 3. – P. 183–207] (In Russian).

Трунов Ф.О. (2016). Всеобъемлющий подход к постконфликтному восстановлению : Опыт ФРГ в Афганистане // Вестник РУДН. – Москва. – Том 16, № 3. – С. 437–450 [Trunov Ph.O. (2016). A comprehensive approach to post-conflict reconstruction : experience of the Federal Republic of Germany in Afghanistan [*Vseob'emlyushchii podkhod k postkonfliktnomu vosstanovleniyu : Opyt FRG v Afganistane*] // Bulletin of RUDN univ. – Moscow. – Vol. 16, Issue 3. – P. 437–450] (In Russian).

Цмай В.В. (2021). Права женщин в Афганистане // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – Санкт-Петербург. – № 2 (78). – С. 121–125 [Tsmay V.V. (2021). Women's rights in Afghanistan [*Prava zhenshchin v Afganistane*] // Sci-

entific notes of the St. Petersburg named after V.B. Bobkov branch of the Russian customs academy. – St. Petersburg. – N 2 (78). – P. 121–125] (In Russian).

Afghanistan : voter turnout by election type. (2019) / International institute for democracy and electoral assistance. – Stockholm. – URL: <https://www.idea.int/data-tools/country-view/44/40> (date of access: 10.12.2022).

Baczko A. (2013). Judging in the midst of civil war : the Taliban courts in Afghanistan (2001–2013) // *Politix*. – Paris. – Vol. 104, Issue 4. – P. 25–46. – URL: https://www.cairn-int.info/abstract-E_POX_104_0025--judging-in-the-midst-of-civil-war.htm?contenu=article (date of access: 10.12.2022).

Baczko A. (2021). How the Taliban justice system contributed to their victory in Afghanistan // *Items / Social science research council*. – New York. – 26.10. – URL: <https://items.ssrc.org/insights/how-the-taliban-justice-system-contributed-to-their-victory-in-afghanistan/> (date of access: 10.12.2022).

Brancati D. (2014). Democratic authoritarianism : origins and effects // *Annual review of political science*. Vol. 17. – San Mateo, CA : Annual reviews. – P. 313–326. – URL: <https://www.annualreviews.org/doi/pdf/10.1146/annurev-polisci-052013-115248> (date of access: 10.12.2022).

Carothers C. (2018). The surprising instability of competitive authoritarianism // *J. of democracy*. – Washington, D.C. : Johns Hopkins univ. press. – Vol. 29, Issue 4. – P. 129–135.

Counterinsurgency (final draft – not for implementation). (2006) / Headquarters. Department of the army. – Washington, D.C. – 16.06. – 242 p. – URL: <https://irp.fas.org/doddir/army/fm3-24fd.pdf> (date of access: 10.12.2022).

Deehring M. (2021). Lessons learned from Afghanistan : the first political order // *The Washington quarterly*. – Washington, D.C. – Vol. 44, Issue 4. – P. 7–28.

Democracy report 2022 : autocratization changing nature? (2022) / V-Dem Institute ; Univ. of Gothenburg. – Gothenburg. – 60 p. – URL: https://v-dem.net/media/publications/dr_2022.pdf (date of access: 10.12.2022).

Egnell R. (2013). A Western insurgency in Afghanistan // *Joint Force quarterly / National defense univ.* – Washington, D.C. – N 70 (3rd quarter). – P. 8–14. – URL: https://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/jfq/jfq-70/JFQ-70_8-14_Egnell.pdf (date of access: 10.12.2022).

Giustozzi A., Baczko A. (2014). The politics of the Taliban's shadow judiciary, 2003–2013 // *Central Asian affairs*. – Leiden : Brill. – Vol. 1, Issue 2. – P. 199–224. – URL: <https://hal-sciencespo.archives-ouvertes.fr/hal-03460578/document> (date of access: 10.12.2022).

Jackson A., Weigand F. (2020). Rebel rule of law : Taliban courts in the west and north-west of Afghanistan / Humanitarian policy group. - London. - 10 p. - URL: https://cdn.odi.org/media/documents/Rebel_rule_of_law_Taliban_courts_in_the_west_and_north-west_of_Afghanistan.pdf (date of access: 10.12.2022).

Jones S.G. (2010). In the graveyard of empires : America's war in Afghanistan. - New York ; London : W.W. Norton & Company. - 430 p.

Kumar R. (2017). The decline of Afghanistan's Hindu and Sikh communities // Al Jazeera. - Kabul. - 01.01. - URL: <https://www.aljazeera.com/features/2017/1/1/the-decline-of-afghanistans-hindu-and-sikh-communities> (date of access: 10.12.2022).

Levitsky S., Way L. (2020). The new competitive authoritarianism // J. of democracy. - Washington, D.C. : Johns Hopkins univ. press. - Vol. 31, Issue 1. - P. 51-65.

Rahimi H. (2022). Afghanistan's laws and legal institutions under the Taliban // Melbourne Asia review. - Melbourne. - 06.06. - 10 p. - URL: <https://melbourneasiareview.edu.au/afghanistans-laws-and-legal-institutions-under-the-taliban/?print=pdf> (date of access: 10.12.2022).

Rubin B.R. (2020). An ailing America must not abandon Afghanistan // Foreign policy. - Washington, D.C. - 26.03. - URL: <https://foreignpolicy.com/2020/03/26/afghanistan-aid-taliban-ailing-america-must-not-abandon/> (date of access: 10.12.2022).

Ruttig Th. (2018). Afghanistan's paradoxical political party system : special report // Afghanistan analysts network. - Kabul. - 06.05. - URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/en/special-reports/outside-inside-afghanistans-paradoxical-political-party-system-2001-16/> (date of access: 10.12.2022).

Situation of human rights in Afghanistan : report of the Special Rapporteur on the situation of human rights in Afghanistan. (2022) / UN. Office of the High Commissioner for Human Rights. - New York. - 09.09. - 17 p. - (A/HRC/51/6). - URL: <https://www.ohchr.org/en/documents/country-reports/ahrc516-situation-human-rights-afghanistan-report-special-rapporteur> (date of access: 10.12.2022).

The beginner's guide to nation-building. (2007) / Dobbins J., Jones S.G., Crane K., De Grasse B.C. ; RAND Corporation ; National security research division. - Santa Monica, CA. - 284 p.

The Constitution of the Islamic Republic of Afghanistan. (2004) / Constitutional Loya Jirga. - Kabul. - 27 p. - URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/The_Constitution_of_the_Islamic_Republic_of_Afghanistan.pdf (date of access: 10.12.2022).

Thirteenth report of the Analytical support and sanctions monitoring team submitted pursuant to resolution 2611 (2021) concerning the Taliban and other associated individuals and entities constituting a threat to the peace stability and security of Afghanistan. (2022) / UN. Security Council. - New York. - 26.05. - P. 3-32. - (S/2022/419). - URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/333/77/PDF/N2233377.pdf?OpenElement> (date of access: 10.12.2022).

Tian N. (2021). 20 years of US military aid to Afghanistan / Stockholm international peace research institute. - Stockholm. - 22.09. - URL: <https://www.sipri.org/commentary/topical-background/2021/20-years-us-military-aid-afghanistan> (date of access: 10.12.2022).

Weber M. (1978). Economy and society : an outline of interpretive sociology. - Berkeley, CA : Univ. of California press. - 1470 p.

What we need to learn : lessons from twenty years of Afghanistan reconstruction. (2021) / Special Inspector General for Afghanistan reconstruction. - Arlington, VA. - 123 p. - URL: <https://web.archive.org/web/20221202075442/https://www.sigar.mil/pdf/lessonslearned/SIGAR-21-46-LL.pdf> (date of access: 10.12.2022).

Women, peace, and security (WPS) : Congressional report. (2021) / The White House. - Washington, D.C. - 41 p. - URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/07/USG_Women_Peace_Security_WPS_Congressional_Report_FINAL6.30.2021-Updated-July-16.pdf (date of access: 10.12.2022).

DOI: 10.31249/ape/2023.01.10

Novikova O.N.¹

Afghanistan: from «democratic authoritarianism» to authoritarianism per se

***Abstract.** The world is witnessing an increase in authoritarian tendencies. In Afghanistan, a special hybrid type of regime, democratic authoritarianism, was created through the efforts of the international coalition. The establishment of such a regime was not part of the plans of coalition members, who were aiming at building a liberal democratic state. But this project failed, and not because of the Taliban's military victory, but much earlier. Not only did*

¹Novikova Olga Nikolaevna – Ph.D. in History, Head of the Department of Europe and America INION RAS (novikova@inion.ru).

the Americans and their coalition allies largely ignore the country's history and culture, but the foreign-built regime was not perceived as legitimate by the Afghans, which was the main obstacle to the country's democratization. This article examines instrumental legitimacy, which «buys» obedience to the regime by meeting needs of the population; and a traditional, more substantive understanding of legitimacy that is underpinned by shared values and a belief in legality. The Taliban have succeeded in creating some substantive legitimacy by drawing on Islamic principles and traditional values: for example, the Taliban have successfully built legitimacy by ensuring that conflicts are resolved in an accessible, quick and fair manner in sharia courts. Talibs have succeeded in providing services to the population to a certain extent, although not at the proper level due to the disastrous economic situation of the country. At the same time, after the Taliban came to power, the situation of women and girls deteriorated, and measures were introduced to suppress their autonomy and equality. Inter-ethnic relations have not been harmonized, there is no ethnic or religious balance in key ministerial staff. There is no sign of work on a new constitution. The authoritarian features of the regime have intensified.

Keywords: *Afghanistan, Taliban, democratization, democratic authoritarianism, legitimacy, interethnic relations, sharia courts.*

Статья поступила в редакцию (Received) 10.12.2022.

Доработана после рецензирования (Revised) 28.01.2022.

Принята к публикации (Accepted) 31.01.2023